

А.А. Вигасин

«ПЕРИПЛ ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ» И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ИНДИИ

Историческая география древней Индии и хронология политических событий, происходивших в этой стране, известны плохо. Памятники классической индийской литературы демонстрируют такое равнодушие к обстоятельствам места и времени, что их использование в качестве исторических источников становится затруднительным. Исследователям приходится снова и снова перечитывать античных авторов, пытаясь интерпретировать их скудные сообщения об Индии в свете последних данных археологии, нумизматики, эпиграфики.

Среди греческих сочинений об Индии особое место занимает «Перипл Эритрейского моря»¹. Маршрут, который описывает безымянный автор перипла, начинается в гавани Миос-Гормос на египетском побережье Красного моря. Далее следуют Береника, Птолемиада, Адулис и города Африканского Рога. Вернувшись в Беренику, повествователь переходит к Восточному Красноморью, огибает Аравию и движется к Персидскому заливу. Он предлагает обстоятельный рассказ о Западной Индии – от устья р. Инд до мыса Коморин, а в заключение упоминает морские пути, соединяющие Крайний юг Индостана с устьем Ганга и Юго-Восточной Азией, а также сухопутную дорогу из «Тины» (Китая) в Бактрию.

На некоторых участках маршрута составитель перипла ограничивается перечислением гаваней. Но иногда его изложение становится более подробным: он сообщает о расстояниях между пунктами – по количеству стадий или дней пути, упоминает царские резиденции, в которые поступают товары из портовых городов. В этой связи затрагивается местная политическая ситуация – благоприятная или неблагоприятная для международной торговли. Характерной чертой повествования являются перечни предметов импорта и экспорта.

Как и другие специальные сочинения, периплы не имели широкой популярности и редко переписывались в Средние века. Сохранились лишь две рукописи «Перипла Эритрейского моря», причем доказано, что лондонский манускрипт XIV в. является копией гейдельбергского X (или IX) в. Таким образом, в тех случаях, когда текст испорчен, мы лишены возможности проверить чтение по другим спискам.

Известно, что старинные ученые, активно пользуясь трудами предшественников, смешивали информацию, восходящую к разным эпохам. Слишком часто мы имеем дело скорее с устойчивым литературным образом страны, нежели с достоверными свидетельствами современников. И с этой точки зрения «Перипл Эритрейского моря» заслуживает особого внимания историков – он совсем не похож на компиляцию. Нет даже уверенности в том, что его составитель был хорошо знаком с книжной традицией о тех странах, которые описывает.

Х. Фриск², подготовивший в 20-е годы критическое издание памятника, указал на своеобразие его языка и стиля. По этим признакам можно говорить о «Перипле» как

¹ The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary / Ed. L. Casson. Princeton, 1989.

² Frisk H. Le Périphe de la Mer Érythrée, suivi d'une étude sur la tradition et la langue. Goeteborg, 1927.

об авторском сочинении – каких-либо дополнений, сделанных другой рукою, обнаружить не удастся. Нет оснований и для того, чтобы выделять в тексте цитаты, принадлежащие иным источникам. Конечно, составитель «Перипла» не был вовсе чужд литературному творчеству – об этом говорит и сам замысел, и некоторые обороты, претендующие на изысканность. Однако он безусловно не был ученым писателем и свой предмет знал по опыту, а не из книг. Автор «Перипла» свободно владел специальной терминологией как в области мореходства, так и коммерции. Его язык напоминает язык деловых папирусов из Египта эллинистическо-римского времени.

Вполне очевидно, что «Перипл» не описывает какую-то конкретную экспедицию. В нем приводятся разные маршруты морских путешествий в Красном море и в Индийском океане, от Африки до Индокитая. И характер изложения неоднократно меняется по ходу повествования. Путь из Египта в Индию, а также побережье Индостана, в особенности между Баригазой и Музирисом, представлены подробно и с такими красочными деталями, которые выдают очевидца (см., например, § 46 – о шуме моря во время прилива в гавани Баригазы, § 55 – о черных змеях, подплывающих к кораблю возле Бакары и т.п.). Скорее всего безымянный александрийский капитан сам странствовал именно в этих местах. Напротив, ответвления от основного маршрута на юг вдоль африканского берега, на север, к Персидскому заливу, на восток, в Бенгалию, – обрисованы бегло, порою невнятно, с пропусками и неточностями. Здесь автор мог пользоваться слухами.

Так как составитель «Перипла» пытается дать общую панораму торговли в Индийском океане, а не рассказ о своем путешествии, то постановка вопроса о дате плавания была бы некорректной. Приводимая информация может не полностью совпадать по времени. С другой же стороны, внимание читателя привлекает историческая конкретность повествования. Постоянно употребляя слова и обороты «теперь», «незадолго до нашего времени» и т.п., автор явно ориентируется на современность. Ценность источника состоит не только в богатстве сведений практического характера о торговле и мореплавании. «Перипл Эритрейского моря» дает уникальную возможность синхронизировать историю отдельных регионов древнего мира. Вопрос лишь в хронологии!

Датировка текста посвящена огромная литература³. Основные материалы по этому вопросу сводятся к следующему:

1. Без сомнения, автор жил после Птолемея, хотя эпоха ἐπι Πτολεμαίων (§3) могла не быть для него слишком глубокой древностью.

2. Об одном из правителей Южной Аравии, Харибаэле, говорится (§ 23) как о «друге императоров» (φίλος τῶν αὐτοκρατόρων). Употребление множественного числа позволяет предполагать, что римских императоров было уже не менее двух (Октавиан Август и Тиберий). Но весомость этого аргумента несколько ослабляется тем, что, судя по Иосифу Флавию («Иудейские древности». XVIII. 2. 2), счет императоров могли начинать и с Юлия Цезаря.

Гипотеза о том, что множественное число указывает на одновременность правления (а как известно, институт соправителей в Риме отмечен лишь со II в.), не кажется убедительной. Выражение φίλος τῶν αὐτοκρατόρων для александрийского грека должно было ассоциироваться с известным эллинистическим титулом φίλος τῶν βασιλέων (ср. Страбон. XVII. 1. 6), употреблявшимся безотносительно к тому, сколько было носителей высшей власти.

3. В «Перипле» отражена та же самая стадия в развитии римско-индийской торговли, что и в «Естественной истории» Плиния (VI. 101–106), написанной в 70-е годы I в. н.э. Торговля с Крайним югом Индостана сосредоточивалась на Малабарском берегу – согласно «Периплу», в Музирисе и Нелькинде (§ 53). Между тем археологический материал свидетельствует о том, что уже во II в. ведущую роль играли те

³ Raunig W. Die Versuche einer Datierung des Periplus Maris Erythraei // Mitteilungen der anthropologischen Gesellschaft in Wien. 1970. 100. S. 231 f.

гавани Коромандельского берега, о которых автор «Перипла» имел смутное представление.

4. Для абсолютной датировки текста особенно существенным кажется упоминание (§ 19) «дороги в Петру к царю набатеев Малиху». Как известно, Набатейя стала римской провинцией в 105/6 г.⁴ и после этой даты в Петре уже не могло быть собственных царей. Названный Μαλίχας может быть идентифицирован как Малику II, сын Ареты, брат первой жены Ирода Антипы, тетрарха Галилеи. Он правил в Петре после 40 г., а в 71 г. на престол взошел его сын. Следовательно, сведения «Перипла» относятся ко времени до 71 г. Не противоречат такой дате и упоминания в тексте других царей Аравии⁵, таких, как Χαριβαήλ «законный царь двух племен – гомеритов и сабеитов» (§ 23), правивший в г. (Σ)αφάρ (он отождествляется с царем Сабы и dhū-Raidān, т.е. Химьяра, Karib'il Watar II); Χόλαιβος, тиран страны Μαφαρ(ί)τις (§ 22), т.е. Kulayb из Ma'afir; Ἐλεάζος в «стране благовоний» со столицей в г. Σαυβαθά (Piazz Yalut, царь Хадрамаута). Приблизительно в это же время (судя по эфиопским хроникам, в 70-е годы по Р.Х.⁶) в Аксуме правил Za Naskale, который в «Перипле» (§ 5) упомянут как Ζωσκάλης, царь «благородный и сведущий в эллинских книгах».

Итак, мы можем реконструировать политическую историю, – в частности, Индии – исходя из датировки источника примерно 60-ми годами I в. н.э.

Говоря о плаваниях через океан в Южную Азию, автор «Перипла» (§ 57) делит последнюю на три основных региона: корабли плывут либо в Скифию, либо в Баригаду, либо в Лимирику.

Скифия представлена прежде всего устьем р. Синд, т.е. Инда (§ 38). Она приблизительно соответствует современному штату Синд (возможно, захватывая также часть Раджастана). Главная гавань Скифии – Барбарикон, а столица – Миннагар. Правят в Скифии парфяне. Как далеко на север простираются их владения – неизвестно. Противопоставление путей, идущих через Скифию и через «Проклаис» (т.е. через г. Пушкалавати в Пенджабе) свидетельствует о том, что эта часть Пенджаба, видимо, не включалась в «Скифию» и была независима от парфянских царьков Синда.

Собственно индийская земля начинается южнее Скифии, после залива Эйринов (§ 40 – Εἰρινόν), который в «Географии» Клавдия Птолемея называется Καυθικός (VII. 1. 2; 55; 94). Имеется в виду Кач и Качский Ранн на севере Гуджарата. Прибрежная полуостровная территория Катхиявара в «Перипле» (§ 41, 44) названа Συραστρήνη – инд. Сураштра. Чуть далее, в глубине материка, располагается Ἀβηρία (инд. Абхира). Последняя граничит со Скифией (в индийских источниках абхиры соседствуют с малавами Южного Раджастана – см. Камасутра. II. 5. 24).

«Вся Индийская земля» (§ 45, § 41) делится на Ариаку (§ 41) и Лимирику (§ 47, 53 и др.). Первая ассоциируется главным образом с областью Баригады и царством Манбана, который владеет этим портовым городом (§ 41). Границы Лимирики обозначены вполне определенно: к югу от гавани Наура, за которой следуют Тиндис, Музирис, Нелькинда (§ 53–54). Тиндис и Музирис принадлежат царству Керобота (в «Перипле» – Κητροβότου), а Нелькинда – царству Пандиона в районе Κομάρ (§ 58–59). Комар несомненно – Каньякумари, т.е. мыс Коморин, Керобота – Кералапутра, а Пандион – Пандья. Речь идет, таким образом, о Керале и, частично, Южном Тамилнаде.

Очень похожую картину рисует Клавдий Птолемей⁷ (VII. 1. 8–9): город Тиндис, порт Музирис, затем Μεκύδα, «мыс и город Κομάρια», страна Пандиона и далее города и селения Коромандельского берега. Кералапутра и Пандья упоминаются в эдиктах Ашоки за триста лет до «Перипла» и, в качестве названий династий, не могут

⁴ Ср. Шифман И.Ш. Набатейское государство и его культура. М., 1976. С. 27.

⁵ Robin Ch. L'Arabie du Sud et la date du Periple de la mer Érythrée // JA. 1991. P. 1–30.

⁶ Rodinson M. Éthiopien et Sudarabique // École pratique des Hautes Études, Annuaire 1974–75. P., 1975.

⁷ La Géographie de Ptolémée. L'Inde (VII. 1–4). Texte établi par L. Renou. P., 1925.

дать точной хронологии. Но стоит обратить внимание на то, что автор «Перипла» значительно хуже Птолемея ориентируется в географии Тамилнада. В его время римская торговля с Южной Индией еще ориентировалась преимущественно на Музирис.

Название «Лимирика» (Димирика на Певтингеровой карте) связано с индийским этнонимом «дравида» (*dravida*), от которого происходит современное «тамил». В санскритских источниках «страна дравидов» локализуется «южнее области Карната» (Джаямангала. II. 5. 31), что очень точно соответствует границе Лимирики у греческих географов. Любопытно, впрочем, что автор «Перипла» (§ 60) говорит о плаваниях из «Лимирики» в гавани Коромандельского берега. Это значит, что основную часть современного Тамилнада он не причисляет к «Лимирике».

У Птолемея (VII. 1. 4) Западная Индия фигурирует как Ларика (*Λαρίκη*, вариант *Ῥαρίκη*, лат. *Larichae*), что часто⁸ пытались связать с областью Лата, известной по средневековым надписям. Однако чуть ниже (VII. 1. 82) географ употребляет иную форму – *Ῥαράκη* (то же и VII. 1. 6, варианты *Ῥαράκη*, лат. *Agācha* и *Agāca*). Возможно, именно *Ῥαράκη* и является правильной передачей названия, которое последовательно искажается в рукописной традиции: *Ῥαράκη* – *Ῥ(α)ρίκη* – *Λαρίκη*. Ариака же естественным образом ассоциируется с санскритским словом *ārya* (в среднеиндийском варианте *āriya*). Имеется в виду та территория, которую населяют арии – народности, говорящие на индоарийских языках (в противоположность южноиндийским дравидам Лимирики). Подобного рода географическая терминология не чужда древнеиндийской литературе – достаточно вспомнить знаменитую Арьяварту. У греков Махараштра безусловно причисляется к Ариаке, в отношении же Южного Декана полной ясности нет.

Наряду с этнополитическим членением страны в «Перипле» отражена и индийская номенклатура физической географии. Автор говорит (§ 50): южнее Баригазы простирается «Дахинабад», называемый так потому, что *δάχαιος* по-индийски значит «юг». Вполне очевидно, что речь идет о Декане – инд. *Dakṣiṇapatha* от *dakṣiṇa* «юг» (в разговорной, пракритской, форме *dakhiṇa*). Дакшинапатха (*dakhiṇavadha*, *dakhiṇapāṭha*⁹) в индийских источниках определяется как страна, лежащая к югу от р. Нармады, на берегах которой и расположена Баригаза.

Согласно Птолемею (VII. 1. 6–7), между Лимирикой и Баригазой находятся две страны: Ариака Саденов (*Ῥαράκη Σαδηίων*) и «пиратская» (*ἀνδρῶν πειρατῶν*). На территории последней располагаются такие гавани, как Мандагара, Византион, Херсонес, Армагара. В «Перипле» (§ 53) соответствующий перечень выглядит так: «...за Каллиеной следуют другие местные торговые пункты: Семилла, Мандагора, Палайпатмы, Мелизейгара, Византион... а далее так называемые Сесейкрейенские острова и остров Айгидиев, и остров Кайнейтов, и так называемый Херсонес – в этих местах пираты; а за ним остров Левка». Сходство приведенных списков позволяет считать, что информация того и другого источника, видимо, относится к одной и той же эпохе.

Птолемей не оставляет сомнения в том, что под «пиратами» имеются в виду не разрозненные шайки морских разбойников, а целое государство. Столицей «страны пиратов» (VII. 1. 84) он называет город *Μουσὸπάλλις*. Локализуется эта страна в Южном Конкане и в Карнатакè. У берегов Карнатака нет сколько-нибудь крупных островов и потому остается думать, что в «Перипле» речь идет о группе Лаккадивских островов к югу от Конкана и к западу от Малабара. Греческое *Λευκῆ ἤσος*, вероятно, и является попыткой передать индийское «остров Лакка» (*Lakkaḍīra*, санскр. *Lakṣadvīpa*)¹⁰. Пример переосмысления индийского топонима мы видим и чуть

⁸ *Bhattacharya N.N. The Geographical Dictionary. Ancient and Early Medieval India. Delhi, 1991. P. 202.*

⁹ *Prakrit Proper Names. Pt 1. Ahmedabad, 1970. P. 353.*

¹⁰ Не соответствует ли и греческое название «остров *Λευκῆ*» совр. Агатти?

ранее: Византион соответствует инд. Виджаядург («крепость Виджая» – название одной из лучших гаваней западного побережья)¹¹.

Особый интерес вызывает та часть Ариаки, которой, по Птолемею, владели «Садены». Здесь располагается портовый город Σημίλα (в «Перипле» Σήμιλλα). Он легко идентифицируется как *Setula*, упоминаемый в индийских надписях начала нашей эры¹² (индийское «с» регулярно воспроизводится в греческом как σ: Чандрагупта – Сандрокотт и т.д.). Город этот соответствует современному Чаулу, расположенному к югу от Бомбея. Чаул и в Средние века был известным морским портом – именно сюда (Чевиль, Чювиль) приплыл Афанасий Никитин.

К северу от современного Бомбея находился другой крупный портовый город – Суппар (пракр. *Sorāga*, пали *Suprāga*, санскр. *Śūgrāga*). У историка не может быть никаких сомнений в том, какое именно государство в начале нашей эры имело выход к морю в городах Суппар и Чаул. «Садены» Клавдия Птолемея несомненно тождественны Сатаваханам¹³.

Представляется, что и с лингвистической точки зрения мы можем прийти к тому же выводу. Эпиграфические памятники Сатаваханов регулярно демонстрируют озвончение интервокального *t*, в том числе и в названии самой династии – *Sādavāhana*¹⁴. Тексты на махараштри, т.е. именно на местном диалекте (см. Хемачандра. I. 8. 211), передают название династии как *Sālāhana*. *L*, конечно, представляет зубной *t/d*¹⁵ и кроме того, как нередко в махараштри¹⁶, происходит выпадение интервокального *v* (ср. *lāvaṇa* – *lāṇṇa*). При передаче же индийских слов по-гречески, как правило, исчезает *h*, в том числе, и в «Перипле».¹⁷ Таким образом, не только локализация страны, но и передача ее названия на греческом языке позволяет отождествить Саденов (варианты у Птолемея: *Σαδανων*, *Σαδηνων*, лат. *Sandanogum*) с Сатаваханами. В надписи из Нанагхата¹⁸ сатаваханский царь именовал себя «владыкой Декана» (*dakṣiṇarāṭharatī*) – согласно Птолемею, по крайней мере западный «Дахинабад» действительно находился под властью «Саденов».

В «Перипле» (§ 52) говорится, что город Каллиена (*Καλλίενα*), находящийся южнее Суппара, прежде был законным портом международной торговли (*ἐμπόριον ἔνθεσμον*). Однако для этого появились серьезные препятствия (*ἐκωλύθη ἐπὶ πολὺ*) с тех пор, как город оказался под контролем Сандана (*μετὰ γάρ τὸ κατασχέειν αὐτὴν Σανδάνην*). И теперь эллинские корабли, которые случайно бывают занесены в эти края, приходится под охраной сопровождать в Баригазу.

Ситуация может быть реконструирована следующим образом. Эллинские корабли лишь «случайно» могут быть занесены в районы Суппара и Каллиены – купцы ориентируются на торговлю с царем Баригазы. В прежние времена можно было вести торг с этим государством как в самой Баригазе, так и южнее – в г. Каллиене. Но сейчас это стало затруднительно из-за действий некоего Сандана. Именно в результате его вмешательства Кальян перестал функционировать как «законный порт». Невозможно согласиться с мнением М. Рашке¹⁹, будто мы имеем дело с обычной практикой сосредоточения международной торговли в одном из портовых городов. Пока не по-

¹¹ *Schoff W.* The Periplus of the Erythrean Sea. Delhi, 1995. P. 201.

¹² *Gokhale S.* Kanheri Inscriptions. Pune, 1991. P. 66, 77, 152.

¹³ *Sircar D.C.* Cosmography and Geography in Early Indian Literature. Calcutta, 1967.

¹⁴ *Idem.* Select Inscriptions bearing on Indian History and Civilizations. V. I. Delhi, 1991. P. 189.

¹⁵ *Pischel R.* Grammar of the Prakrit Languages. Delhi, 1981. P. 244.

¹⁶ *Ibid.* P. 186.

¹⁷ *Bloch J.* Sur quelques transcriptions de noms indiens dans le Périphe de la mer Érythrée // Recueil d'articles de Jules Bloch 1906–1955. P., 1985. P. 38–53.

¹⁸ *Sircar.* Select Inscriptions... P. 193.

¹⁹ *Raschke M.* New Studies in Roman Commerce with the East // Aufstieg und Untergang der Römischen Welt. II. 9. 2. B.-N.Y., 1978. P. 673–674, 984.

явился Сандан, необходимости в подобном сосредоточении царь Баригазы не видел. Далее, вопреки Л. Кассону²⁰, Сандан, препятствующий торговле г. Каллиены, никак не мог быть наместником царя Баригазы – он выступает в качестве его противника. Флот царя Баригазы господствует на море, но эллинским кораблям приходится обеспечивать охрану, – видимо, из опасения, что они могут быть перехвачены тем же Санданом.

Обычный перевод в приведенной выше фразе *κατασχεῖν* в смысле «захвата», не является единственно возможным. Основное значение *κατέχω* – «крепко держать, контролировать, содержать под арестом». Возможно, речь идет о блокаде города. Но даже если Каллиена была полностью оккупирована Санданом, то о располагавшемся поблизости Суппаре ничего подобного не говорится – вполне возможно, там и находились сторожевые корабли. В любом случае, царь Баригазы располагал достаточными силами «в этих краях», чтобы обеспечить охрану заблудившимся грекам и проводить их в безопасную гавань²¹. Однако такой гаванью не мог стать Суппар – корабли приходилось вести намного дальше, в Баригазу. Значит, дело не столько в оккупации одного из городов, сколько в том, что торговля через «эти края» стала невозможной или небезопасной.

Город Каллиена соответствует совр. Кальяну (санскр. *Kalyāṇa*, в эпиграфике *Kaliyaṇa*). В древности и в Средние века торговые пути вели из Кальяна в Джуннар и в Насик, а оттуда далее на восток – в Пратиштхану. Однако в «Перипле» говорится, что во внутренние области Декана, в города *Παίθανα* и *Ταγάρα* (пракр. *Tagarā*), купцам приходится везти товары из далекой Баригазы – и притом по страшному бездорожью. Очевидно, обычные пути в Пайтхан из Кальяна и Суппара были перерезаны²² – и виною тому мог быть лишь тот же Сандан.

Вполне естественным кажется предположение, что *Σανδάνης* принадлежал к одноименной династии – *Σαδανῶν*, *Σαδηνῶν* (*Sandanoḡum*), о которой говорит Птолемей. Назализация гласного – явление хорошо известное в фонетике индоарийских языков. И совпадение имен в данном случае дает лишь дополнительный аргумент в пользу предлагаемой реконструкции событий.

Следовательно, в «Перипле Эритрейского моря» речь идет об экспансии Сатаваханов в Северной Махараштре. Клавдий Птолемей относит Суппар к царству Сатаваханов, очевидно, захват этого морского порта ко времени составления его источника был уже свершившимся фактом. При этом знаменитый географ вовсе не упоминает Кальян в перечне городов Западной Индии – вполне возможно, что в результате военных действий торговые пути сместились и этот город пришел в упадок²³.

Соседом Сатаваханов, у которого они, собственно, и отобрали области Северной Махараштры, был царь Баригазы. Его резиденция располагалась в глубине страны, в г. *Μυλιαγάρα* (§ 41), а в прежние времена столицей был г. *᾽Οζήνη* – Уджаин (§ 48). *Βαρυγάζα*, как известно, соответствует санскр. *Bhṛgukaccha*, пракр. *Bharukaccha* (совр. Бхаруч). Предложенная в «Перипле» локализация страны (Гуджарат, север Махараштры) соответствует государству Западных Кшатрапов. Имя местного царя приводится как *Μαυβάνος*, и давно уже доказано²⁴, что оно соответствует индийскому Нахапана (*Naharāṇa*). Происходит озвончение интервокального согласного *p*-*b*, назализация, исчезновение *h* в греческом – все те явления, которые были отмечены выше в связи с превращением *Sātavāhana* в *Σανδάνης*.

Заметим, что завоевание Сатаваханами районов вокруг Суппара и Кальяна произошло незадолго до составления «Перипла». Автор последнего утверждает, что

²⁰ The Periplus Maris Erythraei. P. 215.

²¹ Casson L. Sakas versus Andhras in the Periplus Maris Erythraei // JESHO. 1983. XXVI. 2. P. 164–177.

²² Palmer B. Periplus Maris Erythraei: the Indian Evidence as to the Date // CQ. 1947. P. 137–140.

²³ Johnston E.H. Two Notes on Ptolemy's Geography of India // JRAS. 1941. P. 208 f., Palmer B. The Identification of Ptolemy's Dounga // JRAS. 1946. P. 172–173.

²⁴ Boyer A.M. Nahapana et l'ere Çaka // JRAS. 1897. P. 120–151.

«во времена старшего Сарагана» (§ 52 – ἐπὶ τῶν Σαραγάνου τοῦ πρεσβυτέρου χρῶσι) Кальян еще был «законным портом международной торговли». Видимо, тогда между Западными Кшатрапами и Сатаваханами поддерживались мирные отношения. Имя Σαραγάνης соответствует санскритскому Шатакарни. В среднеиндийской форме оно должно передаваться как Sadagaṇṇi (где d может произноситься как ḍ, фонетически сходное с г – ср. передачу ḍ через ρ в слове Λιμυρική из draviḍa).

К сожалению, это имя не дает нам хронологической определенности. «Шатакарни» называли себя многие (если не все) цари из династии Сатаваханов. Эпиграфика свидетельствует о том, что даже в тех случаях, когда, согласно генеалогическим спискам пуран, царь носил другое имя, он называл себя также и Шатакарни. Поэтому мы не можем идентифицировать того царя Сатаваханов, который был предшественником «Сандана» – современника автора «Перипла».

Однако в нашем распоряжении имеются эпиграфические памятники, свидетельствующие о том, что южные области государства Западных Кшатрапов были захвачены Сатаваханами. Речь идет о знаменитых надписях из Насика царя Готамипуты Сири Сатакани, в которых говорится о дарениях земель, принадлежавших ранее Ушабхадате²⁵. Там же найдены и надписи этого Ушабхадаты, который именуется зятем царя Нахапаны, кшатрапа из династии Кшахаратов²⁶. Эпиграфика, таким образом, показывает, что область Говардхана, где расположен г. Насик, находилась под властью Нахапаны и Ушабхадаты, а затем была завоевана Сатаваханами при Шри Шатакарни Гаутамипутре. В Насике обнаружено множество монет Нахапаны с надпечатками от имени Гаутамипутры Шатакарни – свидетельство тех же самых событий.

После войны порт Шорпарака/Сопарака (Суппар), о котором Ушабхадата говорит как о городе, входящем в ту же страну, что и Бхарукаччха (Баригаза)²⁷, был, по меньшей мере, отрезан от торговых путей, шедших через Насик. Не лучше оказалось и положение Кальяна, который располагался еще южнее. Несомненно, об этих событиях и говорится в «Перипле Эритрейского моря» – ведь после завоеваний Гаутамипутры Говардхана уже не находилась в зависимости от «царя Баригазы».

В таком случае, мы можем идентифицировать «Сандана» как царя из династии Сатаваханов по имени Гаутамипутра. В качестве его предшественника пураны называют Шивасвати²⁸, вероятно, он и был «старшим Сараганом». Мать Гаутамипутры, царица Готами Баласири, приказала высечь надпись на 19-м году правления своего внука Сири Пулумави²⁹. Так как к этому времени прошло более сорока лет после коронации Гаутамипутры, последний к моменту восшествия на престол был, видимо, совсем еще молодым человеком. Уж не этим ли мотивируется обозначение его предшественника как «старшего»? Согласно генеалогическим спискам пуран, Шивасвати правил 28 лет, а Гаутамипутра 21 год. Впрочем, пураны не вполне надежны: упомянутые выше надписи Гаутамипутры датированы 18-м и 24-м годами, следовательно, он был на престоле не менее 24 лет.

Абсолютную хронологию правления Нахапаны еще недавно реконструировали, исходя из допущения, будто все его документы датированы по эре Шака (78 г. н.э.). В таком случае царствование Нахапаны приходилось относить к первой четверти II в., ибо в надписи Ушабхадаты имеется дата – «на 42-м году» (самая поздняя из известных надписей Нахапаны датирована даже 46-м годом). Однако сейчас в нашем распоряжении есть датированная 11-м годом (по эре Шака) надпись³⁰ Чаштаны – кшатрапа,

²⁵ *Sircar. Select Inscriptions...* P. 197 f.

²⁶ *Ibid.* P. 164 f.

²⁷ *Ibid.* P. 168.

²⁸ *Pargiter F.E. The Purana Text of the Dynasties of the Kali Age.* Delhi, 1975. P. 42. Ср. p. 37: Имена Свати (карна), Свати (варна) и т.п. кажутся лишь вариантами санскритизации пракритского имени Сатакани (Шатакарни).

²⁹ *Sircar. Select Inscriptions...* P. 203 f.

³⁰ *Pauli F. Nahapana/Manban. Σ vor 78 n. Chr. // Studien zur alten Geschichte. II.* 1986.

царствовавшего заведомо позднее, чем Нахапана. Это значит, что точкой отсчета у Нахапаны никак не может быть эра Шака. Вполне возможно, что он датировал надписи по годам своего собственного правления (или той династии Кшатаратов, к которой принадлежал). Более того, если уже через несколько лет после 78 г. на престоле кшатрапов уже находился Чаштана, значит, долгое царствование Нахапаны предшествует 78 г. н.э. Война с Сатаваханами, о которой сообщает Гаутамипутра, происходила после 42 г., указанного в надписи Ушабхадаты из Насика, следовательно, в конце правления Нахапаны, незадолго до 78 г. н.э.

Отметим попутно одно важное обстоятельство: согласно пураническим спискам, первые цари династии Андхры (т.е. Сатаваханов) правили за триста лет до Гаутамипутры. И если последний жил в I в. н.э. (а в этом теперь не может быть сомнений), то сама династия ведет начало с середины III в. до н.э. Иначе говоря, царство Андхра сосуществовало с «общеиндийской державой» Маурья. В ЭДИКТАХ Ашоки упоминается народ андхра, входивший в состав его державы, вероятно, он находился под властью своих собственных царей.

Ключ к идентификации и датировке упомянутых в «Перипле» безымянных царей может дать нумизматика. Междоусобная борьба парфянских правителей Синда, о которой сообщает наш источник («парфян, которые все время друг друга изгоняют» – § 38) происходила после смерти Гондофара. Последний датировал одну из своих надписей (в Тахт-и-бахи) 103-м годом по эре Викрама (начало которой относится к 57 г. до н.э.) и указал при этом, что она составлена на 26-м году его правления. Таким образом, хронология Гондофара устанавливается достаточно надежно: начало правления – 20 г. н.э. – конец не ранее 45 г. н.э. (что, заметим в скобках, не противоречит известной легенде о пребывании при его дворе апостола Фомы).

За Гондофаром следуют мелкие индо-парфянские царьки, в частности, Сасан³¹ и Сатавастр, которых сменяют Кушаны. Дж. Крибб³² указал, что встречаются монеты Нахапаны с надпечатками Сасана и Сатавастра, а также надпечатка Нахапаны на монете Сатавастра³³. Это надежное доказательство синхронности их правлений и свидетельство того, что в «Перипле» отражена эпоха примерно третьей четверти I в.

Политическая ситуация в Индии этого времени характеризуется следующими чертами. Сатаваханы с юга и востока теснят Западных Кшатрапов (Нахапану), добиваясь контроля над всей Дакшинапатхой. В низовьях Инда парфянские царьки, наследники Гондофара, ведут бесконечную борьбу друг с другом, следствием которой является их взаимное ослабление и потеря власти над народностями Пенджаба. Последние в «Перипле» перечислены безотносительно к «Скифии» и парфянам – лишь в связи с торговым путем, идущим в глубине материка (§ 47) из Баригазы в Центральную Азию.

Среди племен Северо-Западной Индии грек называет жителей Гандахары (Γανδαράων) и Арахосии (Ἀραχουσιῶν), область Προκλαῖς (Пушкалавати), а также аратриев (Ἀρατρίων), т.е. народ āraṣṭra/āraṭṭa, который в индийском эпосе ассоциируется с народами Пенджаба и Балха и рассматривается как чуждый арийским обычаям³⁴. Крайняя политическая раздробленность региона делала его легкой добычей для завоевателя.

И завоеватель этот тоже указан автором «Перипла». Последний говорит (§ 47), что

³¹ Сасан был племянником Аспавармана, сына Индравармана, правление которого относится ко второй декаде I в. Следовательно, его собственное царствование должно относиться к началу второй половины I в.

³² *Cribb J.* Numismatic Evidence for the Date of the Periplus // *Indian Numismatics, History, Art and Culture. Essays in Honour of Dr. P.L. Gupta.* Delhi, 1992. P. 131–145; *Boppearachchi O.* Indo-Parthians / Ed. J. Wiesehofer. Das Partherreich und seine Zeugnisse. Stuttgart, 1998. S. 402–403.

³³ Есть также надпечатки Куджулы Каффиза на монетах Гондофара, показывающие, что основатель Кушанской державы был младшим современником индо-парфянского царя.

³⁴ См. Карнапарва, 30: в стране пяти рек (т.е. в Пенджабе), где уничтожена дхарма, бахлики, зовущиеся араттами и т.д.

к северу от тех племен, которые только что были названы, находится «очень воинственный народ бактрийцев во главе с царем» (καὶ τοῦτων ἐπάνω μαχίμων τῶν Βακτριανῶν ὑπὸ βασιλέα). Под царем может иметься в виду лишь правитель Кушан. Речь несомненно идет о том времени, когда бактрийские племена только что объединились под властью последнего. А вскоре этот «очень воинственный народ» начал завоевания в Северной Индии.

Образование Кушанской державы обрисовано в китайской хронике «Хоуханьшу», которая воспроизводит сведения, полученные от полководца Бань Чао, посетившего Западный край в конце I в. н.э. Согласно его информации, один из пяти уделов племени, которое китайцы называли «Большими юэчжи», а именно Гуйшуан, стал ядром объединения. Князь этого удела по имени Киодзюкю принял царский титул («объявил себя государем под названием Гуйшуанского», как переводит Н.Я. Бичурин³⁵). Он начал завоевания окружающих стран, а его сын Яньгаочжень покорил Индию. Объединение бактрийских племен и воинственная политика царя уже известны автору «Перипла Эритрейского моря». А та обстановка в Северной Индии, которую он рисует, делает вполне понятными успехи сына Киодзюкю.

Китайское Киодзюкю передает имя первого из кушанских царей Кудзулаки (Куджула Кадфиз). Иногда он именовал себя и просто «Кушан» (например, в надписях, датированных 122-м и 136-м годами³⁶, видимо, по эре Викрама). Обозначение отдельного удела (Гуйшуан в китайской передаче) стало чем-то вроде тронного имени после того, как местный князь (ябгу, Kuṣāṇayavagu) превратился в государя всех «Больших юэчжи». Сын Куджулы Кадфиза Вима называл себя Kuṣāṇaputra («сын Кушана»)³⁷.

В этом контексте следует понимать и приведенный выше пассаж из «Перипла Эритрейского моря» (§ 47). Истолкование его концовки ὑπὸ βασιλέα οὖσαν ἰδιον τόπων давно вызывает споры. Нет сомнений в том, что текст неисправен – греческое οὖσαν здесь вовсе неуместно. Однако предлагаемое издателями (в том числе и Х. Фриском) исправление οὖσαν на οἰτων кажется совершенно произвольным. Объяснить подобную опisku невозможно, а правка содержит переосмысление текста (подбирается наиболее подходящая форма от того же корня, что и οὖσαν). К тому же эта правка не решает проблему, ибо ἰδιον τόπων трудно увязать с предыдущим. Поэтому некоторые исследователи (тот же Х. Фриск) смело вычеркивают τόπων, переводя ἔθνος Βακτριανῶν ὑπὸ βασιλέα οἰτων ἰδιον как «народ бактрийцев, находящихся под началом собственного царя». Но в таком случае фраза остается странной: какая необходимость в разъяснении, что бактрийский царь – их собственный, а не чужой?

Другие, начиная с К. Мюллера, пытались сконструировать слово ἰδιότητος и даже вносили его в словари (Liddel–Scott–Jones, s.v.: «of their own district»). Но и это решение трудно признать удовлетворительным, ибо указанный царь правил всеми бактрийцами, а не только отдельным дистриктом. Если же под district понимать всю Бактрию, то ἰδιότητος становится синонимом ἰδιον и таким же тавтологическим утверждением, что бактрийцы управляемы царем, который является местным (а не чужеземным) правителем.

Некоторые исследователи, освободившись от τόπων, шли еще дальше и пытались угадать имя собственное царя бактрийцев, исправляя ἰδιον (или ἰδιότητος) на Диодота³⁸ или Герая³⁹.

Наиболее простой вариант исправления текста давно уже был предложен Дж. Кен-

³⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М. – Л., 1950.

³⁶ Konow S. Kharoshthi Inscriptions, with the Exception of Those of Asoka. Calcutta. 1929. P. 67–77.

³⁷ Lüders H. Mathura Inscriptions. Göttingen. 1961. P. 135.

³⁸ Palmer B. Periplus Maris Erythraei, Remarks on Chapter 47 // CQ. 1949. P. 61 f.

³⁹ Macdowall D.W., Wilson N.G. The References to the Kusanas in the Periplus and further numismatic evidence for its date // Numismatic Chronicle. 1970; Macdowall D. Implications for Kushan Chronology of the Numismatic Context of the Nameless King // Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т. I. М., 1974. С. 246.

неди⁴⁰: <K>ούσαν – пропуск буквы часто встречается в рукописи, особенно в именах собственных (ср. чуть выше <’A>ραχουσι(ι)ων). Категорическое возражение Ж. Фюсмана⁴¹, согласно которому винительный падеж имени должен был бы выглядеть как Κουσανον или Κουσαναν, не кажется убедительным. Во-первых, отнюдь не всегда восточные имена собственные в греческом склоняются (в том числе и в «Перипле»). Во-вторых, значительно проще понять возможную ошибку переписчика: <K>ούσαν вместо <K>ούσαναν⁴², чем исправлять, как предлагалось в историографии, ουσαν на οὔταν, οὔ, οὔτα, ἦσαν, ἔχον, οἰκοῦν и т.д. Под единым бактрийским царем, во всяком случае, может подразумеваться только Куджула Кадфиз. И поскольку известно, что он именовал себя просто Кушаном (Kuṣāṇa, Guṣāṇa), наличие <K>ούσαν в тексте «Перипла» кажется вполне правдоподобным.

За исключением дополнения в виде <K>, текст не требует каких-либо исправлений (разве что, соглашаясь с Ж. Фюсманом, добавить окончание винительного падежа). Но, как справедливо заметил Б. Палмер⁴³, основная проблема заключается в понимании выражения ἴδιον τόπον. На наш взгляд, оно вполне может быть интерпретировано в качестве accusativus relationis. В этом случае ὑπὸ βασιλέα <K>ούσαν ἴδιον τόπον приобретет следующий смысл: «Во главе с царем, (который именуется) Кусан по собственному его уделу». Добавление, предлагавшееся Дж. Кеннеди (<ἄρχοντα> ἴδιον τόπον, оказывается не только лишним, но и искажающим смысл: τόπος – не вся территория Бактрии, а «Гуйшуанский» удел. В подобном значении слово τόπος встречается в «Перипле» (см., например, § 16: в каждом τόπος есть свой тиран, но все они подчиняются царю, или § 14: каждый τόπος управляется собственным тираном, а общего царя они не имеют и т.д.). При данном истолковании ἴδιον τόπον оказывается и понятным, и необходимым. Автор, назвав бактрийского царя Кушаном, должен был объяснить, почему тот носит это имя: как и в китайской хронике, правитель всех «Больших юэчжи» именуется Гуйшуанским по своему собственному уделу (одному из пяти уделов юэчжи).

Несколько лет назад в Афганистане была сделана сенсационная находка, проливающая свет на ряд дискуссионных проблем кушанской истории. Большая бактрийская надпись из Рабатака, датированная 1-м годом правления Канишки⁴⁴, содержит генеалогию кушанских царей. Сын Куджулы Кадфиза носил имя Вима, видимо, соответствующее Янь в тексте «Хоуханьшу». Этот Вима (второе его имя плохо читается – Такту, Такаду?) изображен на монументальной статуе в Матхуре⁴⁵ и поэтому можно думать, что он владел этим городом. Тем самым подтверждаются сведения Бань Чао о том, что сын «Киодзюкю» завоевал Индию. Этому Виме наследовал внук Куджулы – Вима Кадфиз, а затем сын последнего – Канишка, который претендовал на власть над всей Северной Индией вплоть до устья Ганга.

По данным «Хоуханьшу», Киодзюкю умер восьмидесяти лет от роду. Вполне возможно, что сын его вступил на престол уже в преклонном возрасте и царствование его не было продолжительным. Но в любом случае между концом правления прадеда (эпоха накануне завоевания Индии, отраженная в «Перипле») и коронацией правнука должно было пройти несколько десятилетий. И если составление «Перипла» относится примерно к 70 г. н.э. (судя по ситуации в Аравии и в Индии – война с Гаутамипутрой в конце правления Нахапаны и т.п.), то «дату Канишки», о которой так долго ведутся дискуссии, необходимо относить к самому началу II в.

⁴⁰ Kennedy J. A Passage in the Periplus // JRAS. 1913. P. 127.

⁴¹ Fussman G. Documents épigraphiques kouchans // BEFEO. 1974. LXI. P. 48.

⁴² Явление, хорошо известное текстологам. См. Лихачев Д.С. Текстология. Л., 1983. С. 77: «Особенно часты пропуски повторяющихся слогов».

⁴³ Palmer. Periplus Maris Erythraei... Remarks on Chapter 47. P. 61.

⁴⁴ Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great / Silk Road Art and Archaeology. 4. 1995/1996.

⁴⁵ Lüders. Mathura Inscriptions. P. 134 f.

Данная хронологическая схема получает дополнительное подтверждение после обращения к «Географии» Клавдия Птолемея. По сведениям последнего, резиденция Западных Кшатрапов находится не в Миннагаре, как при Нахапане, а там, где она была когда-то – в Уджаине. Здесь правил царь *Τιστανής* (VII. 1. 63), т.е. Чаштана, представитель династии Кардамака, сменившей Кшахаратов (к которым принадлежал Нахапана). В Пайтхане же (*Βαϊθήνα*) власть принадлежала *Σίρι Πολεμαίος* (VII. 1. 82) – царю из династии Сатаваханов Шри Пулумаи (в эпитафике *Siri Pulumayi*). Согласно пуранам, этот *Puloma/Pulomavi* являлся сыном того самого Гаутамипутры, который воевал с Нахапаной. На троне он находился 28 лет.

В надписи, датированной 19-м годом правления «Сири Пулумаи», его отец Сири Сатакани Готамипута назван «царем царей, сокрушившим род Кшахаратов и восстановившим славу рода Сатаваханов». Военные успехи Гаутамипутры в Западном Декане, очевидно, способствовали тому, что династия Кшахаратов пришла в упадок и уступила гегемонию Кардамакам Уджаина. Чаштана правил необычайно долго. Наиболее ранняя его надпись датирована 11-м годом, а самая поздняя – 52-м годом (когда соправителем его был внук – кшатрап Рудрадаман). Отсчет несомненно шел по эре Шака, которая скорее всего Чаштане и обязана своим возникновением.

Указание на правление в Уджаине Чаштаны, а в Пайтхане Шри Пулумаи показывает, что источник Клавдия Птолемея отражает ситуацию ровно на поколение позже, чем «Перипл Эритрейского моря». Это хорошо соответствует тому, что мы знаем о работе александрийского географа, пользовавшегося трудом Марина Тирского, который в свою очередь ссылался на Мая Тициана. Политическая карта Индии у Птолемея соответствует самому концу I в. до н.э., что вполне согласуется с датами, предложенными выше.

Ж. Фюсман датирует «Перипл» значительно более ранним временем – около 40 г. н.э.⁴⁶ Но единственным мотивом этого является желание французского индолога спасти предлагавшееся когда-то отождествление «даты Канишки» с «эрой Шака» (78 г.). Конечно, если бы коронация Канишки относилась к 78 г., то время правления его прадеда Куджулы Кадфиза не могло быть позднее 40 г. н.э. Однако, если принять подобную датировку «Перипла», появится столько явных несообразностей, что сама идея об отождествлении обеих эр выглядит теперь столь же странно, как всерьез предлагавшееся еще недавно отнесение даты Канишки к 278 г. н.э.

PERIPLUS MARIS ERYTHRAEI: POLITICAL SITUATION IN INDIA

A.A. Vigasin

PME reflects the political situation in India about 70 A. D. Sandanes, mentioned in PME 52, is to be identified as a ruler belonging to the dynasty of Satavahana (*Σαδανῶν*/Sandanorum according to Ptolemy's «Geography» VII. 1. 6). The author of PME visited India just after the war between this Sandanes (i.e. Sri Gautamiputra Satakarni) and his neighbour Kshatrapa Nahapana (Manbanos). This was the reason why the Greek ships were not admitted to the harbour of Kalyan.

Internecine wars between the Indo-Parthian rulers of Sind after the death of Gondophares (mid. 1st. c. A. D.) gave a chance to the «very warlike people of the Bactrians» (47) to conquer this region. In the period of PME these Bactrians were already unified «under their king (*Κ*)ουσαῖν (named so) after his own domain (*Ἰδιον τόπον*)», i. e. under Kujula, well known also as «Kushana».

One generation later an anonymous source of Ptolemy's «Geography» was composed, where Nahapana's successor Kshatrapa Cashtana (VII. 1. 63) and Satavahana king Siri Pulumavi (VII. 1. 82), son of Gautamiputra, were mentioned. Most of Northern India had been conquered by that time by «Kushanaputra – the son of Kushan».

⁴⁶ *Fussman G.* Le Périples et l'histoire politique de l'Inde // JA. 1991. P. 34.